

УДК 94(470)“1741”+323.311+340.130.5

А. С. Лыцова

Роль графа А. И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е — начале 1740-х гг.

А. И. Остерман, являясь одной из ключевых персон в правительстве как при Анне Иоанновне, так и при Анне Леопольдовне, играл важную роль в вопросах регулирования престолонаследия в России в 1730-е — начале 1740-х гг. Этот аспект его внутривластной деятельности представляет особый интерес, так как передача трона наследнику в монархическом государстве являлась одной из важнейших проблем государственного устройства, ведь от этого нередко зависела политическая стабильность. Анализ источников показал, что Остерман, неоднократно апеллируя к Уставу о престолонаследии 1722 г., проявлял себя в качестве наследника петровских преобразований. Кроме того, он активно использовал современную ему европейскую политико-правовую мысль.

Ключевые слова: история России XVIII в., престолонаследие, А. И. Остерман, законодательство XVIII в., общественно-политическая мысль, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна.

А. И. Остерман — один из наиболее значимых российских политических деятелей 1720-х — начала 1740-х гг. Именно с ним было связано заключение Ништадтского мира 1721 г. [27], а также создание Табели о рангах 1722 г. [26, с. 48—77]. Будучи одним из творцов российской имперской государственности, он достиг наибольших успехов в своей карьере с момента прихода к власти Анны Иоанновны и создания в 1731 г. Кабинета министров, став одним из тех, кто определял как внешнюю, так и внутреннюю политику России. И если активность Остермана на международной арене в этот период неоднократно становилась объектом изучения, то его внутривластная деятельность в этот период не получила должного освещения со стороны ученых [12]. В том числе отсутствует специальное исследование о его роли в вопросах регулирования престолонаследия в России в 1730-е — начале 1740-х гг. А между тем его персона в контексте данной проблемы заслуживает отдельного внимания, так как Остерман являлся довольно нетипичным представителем правящей элиты: будучи иностранцем на российской службе, он не мог рассчитывать ни на знатное происхождение, ни на личную привязанность со стороны монарха (фаворитизм). Его карьерный успех был связан с личными профессиональными способностями и служением государственному интересу (в отличие от представителей некоторых знатных семейств, чьи действия нередко были завязаны на интересах собственной фамилии). Очень аккуратно Остермана в таком случае можно назвать чуть ли не единственным настоящим бюрократом среди представителей высшей элиты¹. Соответственно, изучение деятельности Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е — начале 1740-х гг. представляет интерес для понимания роли высшей бюрократии в Российской империи.

Кроме того, вопрос актуален и по той причине, что передача власти в монархическом государстве была одной из ключевых проблем государственного устройства, ведь от этого нередко зависела политическая стабильность в стране.

В историографии описан ряд сюжетов, связанных с выработкой правовых механизмов передачи власти в рамках царствующей фамилии в этот период, в которых иногда упоминается и А. И. Остерман. Например, о его причастности к принятию присяги 1731 г.

¹ О проблеме определения представителей правящей элиты как «бюрократов» см. статью Дж. Ле Дона на [28].

упоминает Н. Н. Петрухинцев [16, с. 62]. Е. В. Анисимов, достаточно подробно описывая ход обсуждения нового проекта престолонаследия в 1741 г. накануне прихода к власти Елизаветы Петровны, сводит мотивы Остермана к «игре» и «неприятности», подчеркивая его «хитрость» и последующее спокойствие, так как он «битву уже выиграл» (Какую битву? Как он ее выиграл? — А. Л.) [1, с. 169, 171]. Таким образом, роль Остермана в этих событиях рассмотрена довольно фрагментарно, а ключевые моменты, связанные с его участием, оказались упущенными.

Источниковой базой настоящего исследования послужили несколько записок Остермана по вопросам престолонаследия [22], опись его личной библиотеки [25], протоколы допросов графа А. И. Остермана, сделанные во время работы следственной комиссии (организована императрицей Елизаветой Петровной после переворота 25 ноября 1741 г.) [23]¹, «Изложение вин графов...» (в них отражены основные результаты деятельности комиссии) [6], а также мемуары — в них содержатся ценные сведения, которые в силу своей специфики не получили отражения в делопроизводственных документах [4, 13, 15, 30].

Как хорошо известно, 5 февраля 1722 г. Петр I принял Устав о престолонаследии, согласно которому самодержцы сами выбирали себе преемника: «Благоразсудили Мы сей устав учинить, дабы сие было всегда в воле Правительствующаго Государя, кому Оной хочет, тому и определить наследство, и определенному, видя как непотребство, паки отменить» [18, с. 496—497]. К этому законодательному акту прилагалось «Клятвенное обещание», в котором присягнувший обещал принять волю монарха в выборе наследника. Однако в Уставе не была прописана процедура утверждения наследника. Кроме того, в нем ничего не говорилось, что делать в случае, если монарх не оставит ясно выраженной воли о том, кому передать престол. Ничего не было сказано и об институте регентства. С одной стороны, Устав впервые в российской истории законодательно регулировал престолонаследие. С другой стороны, в нем не были прописаны все возможные ситуации с наследованием престола, которые могли возникнуть после смерти монарха. Первая спорная ситуация, связанная с такой непроработанностью Устава, возникла уже после смерти его создателя. Петр I умер, не назначив наследника. После этого началась борьба двух придворных группировок, одна из которых желала увидеть на престоле жену умершего императора — Екатерину, другая — его внука Петра Алексеевича [2, с. 14—51].

Пришедшая в результате этой борьбы к власти Екатерина I не без помощи советников решила не повторять ошибок мужа [14, с. 25] и оставила после себя завещание, которое было оглашено после ее смерти 7 мая 1727 г. Согласно этому нормативному акту наследником российского престола стал малолетний внук Петра I — Петр Алексеевич. До наступления его совершеннолетия страной управлял Верховный Тайный Совет [19, с. 789], который получал «полную власть Правительствующаго Самодержавнаго Государя» за исключением права «определения о сукцессии». Петр II также не мог до своего совершеннолетия назначить себе наследника. В то же время была вероятность его преждевременной смерти. На этот случай в завещании содержался следующий пункт: «Ежели Великий Князь без наследников преставится, то имеет по нем Цесаревна Анна с своими Десцендентами, по ней Цесаревна Елисавета и Ея Десценденты, а потом Великая Княжна и Ея Десценденты наследствовать, однакож мужеска полу Наследники пред женским предпочтены быть имеют» [19, с. 790].

Опасения сановников оказались не случайными. Петр II умер 19 января 1730 г. К этому моменту он уже был формально совершеннолетним, так что нормы завещания Екатерины I о том, кто должен был наследовать престол в случае его смерти, не име-

¹ См. подробнее об этом следственном деле и допросах А. И. Остермана в работе [11].

ли юридической силы. В то же время он не оставил распоряжений о престолонаследии. В стране наступило междоусобице, которое привело к воцарению Анны Иоанновны.

Согласно мемуарам Э. И. Бирона, вскоре после поражения «затейки верховников» и утверждения самодержавной власти Анны Иоанновны двое ее приближенных — А. И. Остерман и Р. Г. Левенвольде — задались вопросом необходимости урегулирования престолонаследия. Они выдвинули идею, что наследником может стать один из детей, рожденных ее племянницей Анной Леопольдовной. Законодательной основой для этого, по мнению Остермана, должен был стать Устав о престолонаследии 1722 г. Соответственно, он подготовил манифест о новой присяге по форме, приложенной к манифесту [4, с. 524—525], который был утвержден Анной 17 декабря 1731 г. Суть присяги заключалась в следующих словах, которые должен был произнести подданный: «Хотя я уже... Государыне Анне Иоанновне Императрице... в верном подданстве присягу чинил, однакож в подтверждение всенижайшей и всеподданнейшей моей верности... обещаюсь и клянуся... в том, что хочу и должен с настоящими и будущими наследниками моими не токмо Ея Величеству... но и по Ней Ея Величества Высоким Наследникам, которые по изволению и... власти определены, и впредь определяемы... верным... подданным быть...» [20, с. 602]. Получалось, что манифест и присяга подтверждали положения Устава 1722 г. Об участии Остермана в составлении текста документа также свидетельствовал Бирон: «Через два или три дня по учреждении кабинета» (т.е. в 1731 г.) Остерман «втайне составил манифест о присяге», по которому восстанавливалось право монарха назначать себе преемника [4, с. 525]. 17 декабря 1731 г. императрица утвердила его [20, с. 601—603; 14, с. 30—31].

В связи с этим было важно выбрать подходящую пару для племянницы Анны Иоанновны. Показательно, что во время обсуждения возможных супругов как для Анны Леопольдовны, так и для Елизаветы Петровны в первой половине 1730-х гг. А. И. Остерман прямо заявлял, что «в единой самодержавной воле и власти Ея Императорского Величества состоит по собственному своему соизволению и благоизобретению себе в сукцессоры определить и назначить» [22, л. 1—1 об.].

В итоге Р. Г. Левенвольде предложил в качестве супруга для Анны Леопольдовны герцога Антона Ульриха Брауншвейгского. Однако после приезда последнего в Россию Анне Иоанновне он не понравился, и, по воспоминаниям Э. И. Бирона, императрица обратилась за советом к А. И. Остерману. Последний высказался в поддержку этого брака, так что Анна Леопольдовна и принц Антон Ульрих поженились в 1739 г. [4, с. 527]. Важность этого события состояла в том, что ребенок, рожденный в браке Анны и Антона, должен был наследовать престол. Их первенцем стал Иоанн, который появился на свет незадолго до смерти Анны Иоанновны. Но его рождение еще не ставило точки в вопросе о престолонаследии.

Согласно манифесту 1731 г., статус наследника можно было приобрести только на основании официально выраженной воли монарха. Но Анна Иоанновна откладывала этот вопрос до последнего. По свидетельству Э. Миниха, 6 октября 1740 г. (он ошибается — это произошло 5 октября) императрице за столом стало плохо, она упала в обморок и ее отнесли в постель [13, с. 382]. Это было своеобразным сигналом для приближенных императрицы о необходимости принятия официального решения о дальнейшей судьбе российского престола. Э. Миних также вспоминал, что после происшествия в тот же день — 5 октября — у Э. И. Бирона было совещание с Б. Х. Минихом, А. М. Черкасским, А. П. Бестужевым-Рюминым и гр. Р. Г. Левенвольде, по итогам которого герцогу было предложено стать регентом. Однако Остерман, в отличие от двух других кабинетных министров, на нем не присутствовал из-за своей болезни. Как подчеркивал автор

мемуаров, в этот раз у него была «действительная подагра в обеих ногах». В связи с этим Бирон, указав на ряд мер, которые необходимо принять («паче всего необходимо молодого принца Иоанна объявить наследником престола и ему учинить присягу в верности»), предложил «обо всем оном рассудить и сообразить с графом Остерманом». После этого участники совещания отправились к Остерману. Последний, узнав о результатах совещания с Бироном, «немедленно при величайших знаках усердия согласие свое изъявил, присовокупя, что если герцог Курляндский в нерешимости своей останется, то надлежит самую императрицу утруждать, дабы она преклонила его к тому». После этого «тем же часом» был составлен манифест о престолонаследии [13, с. 384—385]. Сам Остерман во время следствия в конце 1741 — начале 1742 г. признавался, что «по определениям о наследстве... в своем доме сочинял» [23, л. 11 об.].

Э. И. Бирон в одной из своих записок несколько по-другому описывал эти события. Согласно одной записке, предназначенной в качестве оправдания для императрицы Елизаветы Петровны, в день, когда Анне Иоанновне стало плохо, сам герцог отправил Р. Г. Левенвольде к А. И. Остерману за консультацией. После того как посланник вернулся с его рекомендацией решать вопрос с наследником, оба кабинетных министра отправились в дом к Остерману [4, с. 528—529]. Однако в другой записке Бирон утверждал, что уже сама Анна Иоанновна отправила Левенвольде к Остерману, после чего «граф Левенвольде, которого Ее величество отправила к Остерману, чтобы узнать, что он собирается делать, вернувшись, принес план, который составил этот министр: прежде всего нужно думать о преемнике». Этим преемником официально следовало провозгласить младенца Иоанна Антоновича [30, р. 387]. Так или иначе, Анна Иоанновна согласилась на предложенный Остерманом вариант действий и подписала манифест, согласно которому трон переходил маленькому принцу. Вопрос с наследником был решен.

Однако проблема заключалась в том, что Иоанн самостоятельно управлять не мог, следовательно, было необходимо назначить регента или даже регентский совет. Наиболее значимые сановники империи поддерживали кандидатуру герцога Курляндского. По воспоминаниям Э. Миниха, А. И. Остерман «взял на себя <...> предложить императрице» кандидатуру Э. И. Бирона в качестве регента [13, с. 385]. 18 октября 1741 г. была обнародована духовная Анны Иоанновны, автором которой выступал А. П. Бестужев-Рюмин [10, с. 278—279]. Следуя ее положениям, до совершеннолетия Иоанна государством должен был управлять назначенный регентом при нем Бирон. Принимая во внимание как возможность скорострительной смерти Иоанна, так и его неспособность назначить самостоятельно себе наследника, в духовную поместили следующую норму: «А ежели Наш Внук благоверный Великий Князь Иоанн прежде возраста своего, и не оставя по себе законорожденных наследников преставится, то в таком случае определяем и назначиваем в наследники первого по нем Принца брата его от Нашей любезнейшей племянницы» [15, с. 626]. В случае смерти Иоанна и его братьев, а также «ненадежного наследства» регент должен был «заблаговременно с Кабинет-Министрами и Сенатом и Генералами Фельт Маршалами и прочим Генералитетом о установлении наследства крайнее попечение иметь, и по общему с ними согласию в Российскую Империю Сукцессора избрать и утвердить» [15, с. 626—627].

Таким образом, если верить мемуарам Э. Миниха, несмотря на то что А. И. Остерман взял на себя ответственность предложить кандидатуру Бирона в качестве регента, автором духовной выступил другой человек — А. П. Бестужев-Рюмин. Соответственно, идеи, озвученные в ней, в том числе касающиеся широкого собрания для определения нового наследника и установления порядка наследования по мужской линии, Остерману не принадлежали [15, с. 626—627]. Возможно, он выдвинул кандидатуру Бирона в каче-

стве потенциального регента лишь для того, чтобы избежать ссоры с последним. Однако взять на себя ответственность по составлению положений духовной он так и не решился.

Итак, казалось бы, законодательный акт с прописанным в нем порядком передачи власти был составлен и обнародован. Тем не менее регентство Бирона продолжалось недолго. В ноябре 1740 г. он был свергнут, новым регентом стала Анна Леопольдовна. В июле 1741 г. у императора-младенца появилась сестра — Екатерина. Родись вместо нее брат, он стал бы новым императором в случае смерти Иоанна до совершеннолетия. Однако рождение принцессы, чей статус не был оговорен в духовной Анны Иоанновны, не способствовало стабилизации престолонаследия. Ситуация усложнилась тем, что 28 июля 1741 г. Швеция объявила России войну. Шведское правительство одной из целей поставило перед собой возведение на российский престол Елизаветы Петровны. Это подталкивало к поиску решений, которые бы разрешили ситуацию неопределенности с наследником Иоанна и позволили бы избежать потрясений нового междуцарствия. Анна Леопольдовна, осознавая сложность ситуации, решила предпринять несколько шагов для ее разрешения, в результате чего по ее указу 2—3 ноября 1741 г. в доме А. И. Остермана состоялось несколько совещаний по проблемам престолонаследия, в котором приняли участие помимо хозяина дома другие два кабинетных министра — М. Г. Головкин, А. М. Черкасский, а также приглашенный первенствующий член Синода — архиепископ Новгородский и Великолуцкий Амвросий. Фактически заседание должно было пройти в формате собрания Кабинета министров с приглашением представителя церкви. О том, что происходило на них, известно из конспектов, составителем которых был сам Остерман (оригинал был написан на немецком языке, и к нему в дело помещен перевод на русский язык).

2 ноября М. Г. Головкин посетил А. И. Остермана. Последний заявил, что прежде хотел бы иметь беседу только с Головкиным и лишь затем «с новгородским архиереем и с князем Черкасским о сем деле иметь конференцию» [22, л. 42]. Главной проблемой, которую стали обсуждать А. И. Остерман и М. Г. Головкин, был статус принцессы, особенно остро вопрос встал после рождения Екатерины Антоновны. Это значило, что в случае смерти Иоанна она могла стать наследницей, так как братьев у него на тот момент не было. Остерман, говоря о наследовании по женской линии, отмечал, что «оное дело само по себе ничего чрезвычайного не содержит: потому что по *основательным узаконениям* (выделено нами. — А. Л.) сего государства, за неимением принца, принцессы безпрекословия наследовать могут, как сие поныне и всегда содержано было». Он же привел в качестве примера опыт других европейских стран: «Такое наследство введено не токмо в России, но оно и в других землях, как в Гишпании, в Англии, в Португалии и в Дании употребительно, тако ж и при нынешней в Венгрии королеве». Головкин при этом счел возможным упомянуть и Швецию, на что услышал следующий ответ: «И в Швеции також содержано было, как долго там находилось самодержавство. А ныне Швеция в рассуждении настоящего ея состояния примером нам в том быть не может» [22, л. 41 об.]. Остерман здесь имел в виду то, что с 1720 г. в Швеции после упразднения королевского абсолютизма («самодержавства») была ограниченная монархия, которая никоим образом не могла послужить образцом для российского «самодержавства». Несмотря на то что Головкин не высказал принципиальных возражений против права принцессы на престол, он все же не обозначил четко своей позиции и покинул Остермана, взяв время на раздумье.

3 ноября состоялась новая встреча в остермановском доме, на которой помимо хозяина дома присутствовали М. Г. Головкин, А. М. Черкасский и архиепископ Амвросий. А. И. Остерман вновь обратился к проблеме наследования принцессами. Он указывал на

важность быстрого принятия решения: «Для отвращения всем замешательств и смятений при будущей во власти Божией состоящих случаях, потребно наследство именно утвердить и на принцесс сестр императорских, как оное до них и без того принадлежит, и что в том состоит причина сего собрания, дабы учинить общей совет, каким образом в том наилучше поступить можно было» [22, л. 46]. Черкасский и Амвросий высказали свою точку зрения. Первый поддержал А. И. Остермана, ответив, что «принцессы в России в таком случае наследуют, когда не бывает принцов» [22, л. 46 об.]. Это же подтвердил Амвросий. Однако Головкин сослался на духовную 18 октября 1740 г.: в ней «содержатся такие вещи, как, например, что бывшей регент обще с сенатом и генералитетом избрал наследника». Получалось, что Головкин продвигал идею более широкого собрания для решения проблемы. Однако Остерман выразил несогласие с этим, сославшись на следующее: «Духовная склонялась только до бывшего регентского правления, а узаконение о наследстве (Манифест 1731 г. — А. Л.) до того ненадлежит, но что оно еще при жизни Ея Императорского Величества опубликовано и присягами утверждено, и что в том теперь вся сила состоит, что там о принцессах не упомянуто» [22, л. 46 об. — 47].

Продавливая свое предложение о быстром решении проблемы узким кругом лиц, А. И. Остерман апеллировал к внешнеполитической угрозе: «Известно, какое безбожное намерение неприятель против нас имеет... чего ради надобно, чтоб российский народ свою верность и любовь к нашему императору и к императорской фамилии публично засвидетельствовал» [22, л. 44]. Под неприятелем Остерман имел в виду Швецию, которая в это время вела войну с Россией. Одним из поводов послужило непризнание шведским королем Фридрихом I императора Иоанна. Именно поэтому было важно, по его мнению, засвидетельствовать публичное признание новой фамилии на престоле, а также предусмотреть решения проблем, которые могли бы возникнуть в случае внезапной смерти Иоанна. М. Г. Головкин, желавший организовать более широкое обсуждение, счел возможным заявить, что «о неприятельских намерениях он не знает» [22, л. 44]. Несмотря на все усилия, Остерман не смог достичь своей цели прийти к общему решению узким совещанием.

А. И. Остерман в своем мнении, сочиненном на следующий день и предназначенном Анне Леопольдовне, указывал на право принцесс наследовать власть. Он утверждал, что «по силе здешних государственных установлений (*constitution*), основательных законов (*grund gesetzen*) и обыкновений приходит наследство до принцесс и само по себе, когда не бывает принцов». Остерман вновь апеллировал к Уставу о престолонаследии 1722 г., по которому «зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя, такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит». В связи с этим, обращаясь к Анне Леопольдовне, он заявлял: «Ваше императорское высочество императорским именем с такою ж самодержавною властью и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору» [22, л. 38—39]. Этой формулировкой Остерман подтверждал право Анны Леопольдовны принять еще до совершеннолетия Иоанна манифест, утверждающий порядок передачи трона.

В то же время он понимал возможную спорность принятия решения — нового порядка престолонаследия — от имени недееспособного суверена. Согласно собственному признанию, он обсуждал это с приближенными Брауншвейгской семьи — гр. Р. Г. Левенвольде и бар. К. Л. Менгденом, и даже с профессором Хр. Ф. Гроссом, знатоком европейской юриспруденции, которому прямо заявил, что «государю, будучи малолетным, таких... указов выдавать было неприлично». Подобные разговоры именно с этими лицами не были случайны. Остерман, скорее всего, не желая своими предложениями ухудшить отношения с родителями императора, рассчитывал через третьих лиц донести свои

сомнения и предложения до правящей фамилии. Он, говоря собеседникам, что утверждение нового правового акта о престолонаследии можно «делать или властью, то есть указом, или прошением от народа», настаивал, что это было бы желательно оформить «через прошение народное» [6, с. 256; 23, л. 41 об. — 42].

Таким образом, в дискуссиях, касающихся правовых основ престолонаследия, А. И. Остерман отстаивал исключительное значение Устава 1722 г., который он определял как *фундаментальный закон* империи. Его отношение к этому законодательному акту не было спонтанным: как минимум, он настаивал на его исключительности с 1731 г. В то же время кабинет-министр понимал всю сложность правовых процедур в рамках Устава 1722 г. при наличии несовершеннолетнего монарха-суверена. Остерман, не отрицая суверенного права на распоряжение престолом, полагал, что в случае Иоанна Антоновича для легитимности нового акта о престолонаследии необходимо и «прошение от народа».

На наш взгляд, апелляция Остермана к концепту *фундаментальные законы* при обсуждении престолонаследия не была случайной и отсылала к идеям современной ему европейской политико-правовой мысли. В связи с этим уместно будет снова указать на факт обращения его за консультацией по вопросу престолонаследия к профессору Хр. Ф. Гроссу, с которым Остерман к 1741 г. был более чем знаком: согласно показаниям Остермана, «профессор Гросс жил в доме его более десяти лет для обучения детей ево Остермана», а потом находился при Антоне Брауншвейгском [23, л. 25 об.]. И здесь подчеркнем, что научной специализацией Гросса было естественное право, бывшее фундаментом правовой европейской мысли XVIII в. [5, с. 130, 143]. Более того, сам Остерман в своих текстах апеллировал к «натуральным правам» [5, с. 171], а в его библиотеке находилась одна из самых внушительных коллекций европейской юридической литературы в России. Среди авторов в его библиотеке были представлены Г. Гроций, С. Пуфендорф, Хр. Томазий, И. Буддей, Г. Ф. Штрубе де Пирмонт и другие менее известные европейские юристы [25, л. 157—179 об.]. В конце концов можно вспомнить и тот факт, что Остерман учился в Йенском университете. Таким образом, с определенной долей вероятности можно утверждать, что Остерман был неплохо знаком с современной ему западной политико-правовой мыслью.

Однако возникает следующая проблема: что именно он имел в виду, когда говорил об Уставе 1722 г. как об «основательном» законе? Как отмечает М. Томпсон, в европейской юриспруденции Нового времени было два подхода к пониманию того, что есть фундаментальные законы в государстве. Первый подход — это отношение к фундаментальному закону как к старому обычаю (*ancient custom*), являвшемуся важной частью государственного устройства (*constitution*). Второй подход, связанный с контрактной теорией возникновения государства, предполагал, что фундаментальные законы есть некие правила, которыми ограничивается власть правителя, включая и его право распоряжения престолом [29, p. 1106, 1108, 1109].

Исходя из остермановских суждений о «здесь государственных установлениях, основательных законах и обыкновениях», по которым в России наследование «поныне и всегда содержано было», можно сказать, что это соответствовало логике понимания фундаментальных законов как части правовой традиции страны. В то же время не стоит упускать из виду и сочинения европейских юристов Нового времени, написанные в рамках контрактной теории и присутствовавшие в библиотеке Остермана.

Обратимся к рассуждениям одного из наиболее популярных и известных правоведов XVII в. С. Пуфендорфа, чей трактат «О должности человека и гражданина по закону естественному» был издан в Санкт-Петербурге в 1726 г. и идеи из которого излагались на лекциях профессором Хр. Ф. Гроссом [5, с. 144, 130]. В этой книге Пуфендорф

утверждал, что власть правителя могла быть установлена либо через «насилие брани», либо «самоизвольно избирают над собою граждане властелина». В первом случае правители могли распоряжаться захваченной страной как своей собственностью, включая возможность раздела государства по завещанию между детьми. Во втором случае, «во оных же государствах, которые от начала самоизвольною народа волею устроены суть, чин наследствия из начала в воли тогожде народа имеется». И народ может либо установить законы о престолонаследии, где будет прописан порядок наследования в семье правителя, или же, «которые егда Государю с государством купно и право о устроении наследника вручал: то наследовати будет, кого он восхоцет». Получение правителем от народа права назначать себе наследника подразумевало, что он должен помнить про «целость государства», то есть не распоряжаться страной как своей собственностью [21, с. 440—446]. Если учесть правовые рассуждения такого рода, то, по нашему мнению, можно говорить о договорных коннотациях в остермановской формулировке об Уставе 1722 г. («по учиненному от Петра <...> и от всех государственных чинов присягами подтвержденному узаконению зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит»), которая указывала не только на прерогативы монарха, а и подразумевала, как это на первый взгляд ни покажется парадоксальным, и ограничение его всевластия. В этой логике, например, нельзя было рассматривать Российскую империю как частное владение династии Романовых, где монарх мог распоряжаться как вотчинник. Действительно, если бы подданные российского монарха были частью имущества вотчинника (рабами), зачем нужно было беспокоиться об организации «прошения от народа»? Получалось, что отношения между государственной властью и народом в России строились на публично-правовых основаниях, базирующихся на договоре между монархом и подданными. В то же время мы понимаем, что такая наша интерпретация остермановских рассуждений является дискуссионной и в определенной степени не согласующейся с концепцией, согласно которой российское самодержавие XVIII в., по формулировке Е. В. Анисимова, имело «право править без права» [3].

Заметим, что проникновение представлений о государственном устройстве, в котором верховная власть осуществляет управление страной в соответствии с *фундаментальными законами*, фиксируется в России еще в первой трети XVIII в. Если же говорить о появлении *фундаментальных законов* в политической практике, то можно констатировать, что к настоящему времени первым известным случаем его использования в данной сфере был проект И. И. Шувалова, подготовленный по повелению императрицы Елизаветы Петровны в 1760—1761 гг. [7, с. 124; 8, с. 33; 17]. Однако, как показывают процитированные выше источники, уже Остерман привлекал это понятие в своей политической деятельности в начале 1740-х гг.

Переворот 25 ноября 1741 г. привел к власти Елизавете Петровну. Одним из следствий этого был арест и последующее осуждение А. И. Остермана за то, что он препятствовал Елизавете Петровне в занятии «законно» принадлежавшего ей престола Российской империи. Таким образом, остермановские предложения по проблемам престолонаследия 1741 г. так и не получили законодательного воплощения. Несмотря на это, он успел оказать значимое влияние на правовое регулирование престолонаследия в России. Именно Остерман в 1731 г. добился принятия манифеста и присяги, подтверждавших Устав 1722 г., а также манифеста от 5 октября 1740 г., провозгласившего наследником престола Иоанна Антоновича. Главной его целью как бюрократа стало поддержание правового регулирования механизмов передачи власти, которая гарантировала бы стабильность престолонаследия и, как следствие, стабильность политической жизни общества. Заметим,

что в этом отношении он демонстрировал постоянство своих политических взглядов. При этом можно даже утверждать, что Остерман, отстаивая Устав о престолонаследии 1722 г. и выступая верным наследником петровских преобразований, руководствовался современными ему европейскими политико-правовыми идеями.

Список использованных источников и литературы

1. Анисимов Е. В. Иван VI Антонович. М., 2008. 350 с.
2. Анисимов Е. В. Россия без Петра I, 1725—1740. СПб., 1994. 496 с.
3. Анисимов Е. В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти (источники, исследования, историография). 2005. № 1. С. 200—207.
4. Бирон Э. И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861. Т. 6, № 12. Декабрь. С. 522—542.
5. Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. 480 с.
6. Изложение вин графов: Остермана, Миниха, Головкина и других, сужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елисаветы // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1872. Т. IX. С. 222—331.
7. Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. 326 с.
8. Киселев М. А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 30—39.
9. Курукин И. В. Анна Леопольдовна. М., 2012. 303 с.
10. Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762 гг. Рязань, 2003. 570 с.
11. Лысцова А. С. Допросы графа А. И. Остермана как источник по его государственной деятельности // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов Шестой междунар. конф. молодых ученых и специалистов «СНО-2016». М., 2016. С. 343—347.
12. Лысцова А. С. От литературы к исследованию: жизнеописание Остермана в отечественной историографии XIX — начала XX в. // V Информационная школа молодого ученого : сб. науч. тр. / ЦНБ УрО РАН. Екатеринбург, 2015. С. 176—183.
13. Миних Э. Записки графа Эрнста Миниха // Перевороты и войны. М., 1997. С. 319—410.
14. Омельченко О. А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // Фемис. Ежегодник истории права и правоведения. 2006. М., 2007. Вып. 7. С. 15—54.
15. Пекарский П. П. Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740—1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1862. 638 с.
16. Петрухинцев Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730—1735. СПб., 2001. 352 с.
17. Польская С. В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. С. 94—150.
18. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. VI. 1720—1722. № 3893. СПб., 1830.
19. ПСЗ-I. Т. VII. № 5007. СПб., 1830.
20. ПСЗ-I. Т. VIII. № 5909. СПб., 1830.
21. Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. 543 с.
22. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 3. Д. 8.
23. РГАДА. Ф. 6. Д. 304.
24. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 19—20. М., 1963. 780 с.
25. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 841.
26. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. 395 с.
27. Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. 545 с.
28. Le Donne J. P. The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class? // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1993. Vol. XXXIV (1-2), janvier-juin. P. 139—147.

29. Martyn P. Thompson. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // *The American Historical review*. 1986. Vol. 91, No. 5. P. 1103—1128.

30. Motifs de la disgrâce d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande // *Magazin für die neue Historie und Geographic*, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. IX. Hamburg, 1775. S. 381—398.

Поступила в редакцию 19.03.2017

Лыцова Анастасия Сергеевна, младший научный сотрудник
Уральский федеральный университет
Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: anastasiya.kr.1922@gmail.com

UDK 94(470)“1741”+323.311+340.130.5

A. S. Lystsova

The role of count A. I. Osterman in the regulation of Russian succession in the 1730s — early 1740s

A. I. Osterman being one of the key persons in the government under the reign of both Anna Ioannovna and Anna Leopoldovna played an important role in the regulation of succession to the Russian throne in the 1730s — early 1740s. This aspect of his domestic political activity is of particular interest as the succession to the throne was one of the key problems of the state system, as political stability often depended on it. The analysis of historical sources showed that Osterman, who repeatedly addressed to the Charter of the succession of 1722 was the heritor of Peter's reforms. In addition, he actively used modern European political and juridical ideas.

Key words: Russian history of XVIII, succession, A. I. Osterman, legislation of XVIII century, sociopolitical thought, Anna Ioannovna, Anna Leopoldovna.

Lystsova Anastasiya Sergeevna, junior research fellow
Ural Federal University
Russian Federation, 620000, Yekaterinburg, ul. Lenina, 51
E-mail: anastasiya.kr.1922@gmail.com

References

1. Anisimov E. V. *Ivan VI Antonovich* [Ivan VI Antonovich]. Moscow, 2008. 350 p. (In Russian)
2. Anisimov E. V. *Rossiya bez Petra I, 1725—1740* [Russia without Peter I, 1725—1740]. St. Petersburg, 1994. 496 p. (In Russian)
3. Anisimov E. V. Samoderzhavie XVIII veka: pravo pravit' bez prava [Autocracy of the XVIII century: the right to rule without the right]. *Nestor: ezhekvartal'nyi zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy*, no. 7. Tekhnologiya vlasti (istochniki, issledovaniya, istoriografiya), 2005, no. 1, pp. 200—207. (In Russian)
4. Biron E. I. Obstoyatel'stva, prigotovivshie opalu Ernesta-Ioanna Birona, gertsoga Kurlyandskogo [Circumstances that prepared the disgrace of Ernest-John Biron, Duke of Courland]. *Vremya*, 1861, vol. 6, no. 12, December, pp. 522—542. (In Russian)
5. Bugrov K. D., Kiselev M. A. *Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural law and virtue: Integration of European influence in the Russian political culture of the 18th century]. Ekaterinburg, 2016. 480 p. (In Russian)
6. Izlozhenie vin grafov: Ostermana, Minikha, Golovkina i drugikh, suzhdennykh v pervye mesyatsy vstupleniya na prestol imperatritsy Elisavety [Exposition of guilt graphs: Osterman, Minikh, Golovkin and others, judged in the first months of the accession to the throne of the Empress Elizabeth]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk* [Collection of the Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1872, vol. IX, pp. 222—331. (In Russian)

7. Kamenskii A. B. *Rossiiskaya imperiya v XVIII veke: traditsii i modernizatsiya* [The Russian Empire in the 18th Century: Traditions and Modernization]. Moscow, 1999. 326 p. (In Russian)
8. Kiselev M. A. Problema prav i obyazannostei rossiiskogo dvoryanstva v Ulozhennoi komissii na rubezhe 1750-kh i 1760-kh gg.: k istorii Manifesta o vol'nosti dvoryanskoi [The problem of the rights and obligations of the Russian nobility in the Commission at the turn of the 1750's and 1760's: to the history of the Manifesto on the Liberty of the Nobility]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2013, no. 3 (40), pp. 30—39. (In Russian)
9. Kurukin I. V. *Anna Leopoldovna* [Anna Leopoldovna]. Moscow, 2012. 303 p. (In Russian)
10. Kurukin I. V. *Epokha «dvorskikh bur'»: Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii, 1725—1762 gg.* [The Epoch of “Court Storms”: Essays on the Political History of Post-Petrine Russia, 1725—1762]. Ryazan', 2003. 570 p. (In Russian)
11. Lystsova A. S. Doprospy grafa A. I. Ostermana kak istochnik po ego gosudarstvennoi deyatelnosti [Interrogations of Count A. I. Osterman as a source of his state activity]. *Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedeniya, rossiiskoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni: sb. materialov Shestoi mezhdunar. konf. molodykh uchenykh i spetsialistov “Clio-2016”* [Historical documents and topical problems of archeography, source study, Russian and general history of new and modern times: coll. materials of Sixth Intern. Conf. of young scientists and specialists of Clio-2016]. Moscow, 2016, pp. 343—347. (In Russian)
12. Lystsova A. S. Ot literatury k issledovaniyu: zhizneopisaniya Ostermana v otechestvennoi istoriografii XIX — nachala XX v. [From literature to research: biographies of Osterman in the Russian historiography of the XIX — early XX century]. *V Informatsionnaya shkola mladogo uchenogo: sb. nauch. tr.* [V Informational school of a young scientist: collection of sci. works]. Ekaterinburg, 2015, pp. 176—183. (In Russian)
13. Minikh E. Zapiski grafa Ernsta Minikha [Notes of Count Ernst Minikh]. *Perevoroty i voiny* [Transformations and Wars]. Moscow, 1997, pp. 319—410. (In Russian)
14. Omel'chenko O. A. Stanovlenie zakonodatel'nogo regulirovaniya prestolonaslediya v Rossiiskoi imperii [Formation of legislative regulation of succession in the Russian Empire]. *Femis. Ezhegodnik istorii prava i pravovedeniya. 2006* [Femis. Yearbook of the history of law and jurisprudence. 2006]. Moscow, 2007, is. 7, pp. 15—54. (In Russian)
15. Pekarskii P. P. *Markiz de-la-Shetardi v Rossii 1740—1742 godov. Perevod rukopisnykh depesh frantsuzskogo posol'stva v Peterburge* [The Marquis de la Chetardi in Russia in 1740—1742. Translation of handwritten dispatches of the French embassy in St. Petersburg]. St. Petersburg, 1862. 638 p. (In Russian)
16. Petrukhintsev N. N. *Tsarstvovanie Anny Ioannovny: formirovanie vnutripoliticheskogo kursa i sud'by armii i flota 1730—1735* [The reign of Anna Ioannovna: the formation of the internal political course and fate of the army and navy 1730—1735]. St. Petersburg, 2001. 352 p. (In Russian)
17. Pol'skoi S. V. Konstitutsiya i fundamental'nye zakony v russkom politicheskom diskurse XVIII veka [The Constitution and Fundamental Laws in the Russian Political Discourse of the 18th Century]. *“Ponyatiya o Rossii”: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda* [“Concepts about Russia”: On the Historical Semantics of the Imperial Period]. Moscow, 2012, vol. 1, pp. 94—150. (In Russian)
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete collection of laws of the Russian Empire, by the decree of the Emperor Nikolai Pavlovich. The first collection. From 1649 to December 12, 1825]. (PSZ-I). Vol. VI. 1720—1722, no. 3893. St. Petersburg, 1830. (In Russian)
19. *PSZ-I*. Vol. VII, no. 5007. St. Petersburg, 1830.
20. *PSZ-I*. Vol. VIII, no. 5909. St. Petersburg, 1830.
21. Pufendorf S. *O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu* [On the post of a person and a citizen under the law of natural]. St. Petersburg, 1726. 543 p. (In Russian)
22. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (RGADA). F. 3. D. 8.
23. RGADA. F. 6. D. 304.
24. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Kn. X. T. 19—20* [History of Russia since ancient times. Book X. Vol. 19—20]. Moscow, 1963. 780 p. (In Russian)
25. *Sankt-Peterburgskii filial arkhiva Rossiiskoi akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 3. Op. 1. D. 841.
26. Troitskii S. M. *Russkii absolutizm i dvoryanstvo v XVIII v.: Formirovanie byurokratii* [Russian absolutism and the nobility in the XVIII century: Formation of bureaucracy]. Moscow, 1974. 395 p. (In Russian)
27. Feigina S. A. *Alandskii kongress. Vneshnyaya politika Rossii v kontse Severnoi voiny* [The Aland Congress. Russian foreign policy at the end of the Northern War]. Moscow, 1959. 545 p. (In Russian)
28. Le Donne J. P. The eighteenth-century Russian nobility: Bureaucracy or ruling class? *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1993, vol. XXXIV (1-2), janvier-juin, pp. 139—147.

29. Martyn P. Thompson. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution. *The American Historical review*, 1986, vol. 91, no. 5, pp. 1103—1128.

30. Motifs de la disgrace d'Ernest-Jean de Biron, duc de Courlande. *Magazin für die neue Historie und Geographic, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching*. IX. Hamburg, 1775, pp. 381—398.